

подводят к ней. В этом несомненная ценность рецензируемой книги, которую мы охотно рекомендуем всем, кому интересна не только история Казахстана, России, но и Евразии в целом.

Рецензия поступила в редакцию 20.04.2013 г.

К. Д. Бугров
М. А. Киселев
С. В. Соколов

НОРМАТИВНО-ЮРИДИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ДВОРЯНСКОГО СОСЛОВИЯ В РОССИИ СЕРЕДИНЫ XVII – 1-й половины XIX в.*

Рец. на кн.: *Соколова, Е. С. Институт сословных прав в официальной политической доктрине и законодательстве России середины XVII – первой половины XIX века (дворянство, купечество, духовенство) / Е. С. Соколова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. юрид. академии, 2011. – 344 с.*

«Во второй половине XVIII в. в социально-экономической жизни России наблюдаются весьма существенные изменения, определявшие в конечном счете формирование основных направлений политической и правовой мысли. <...> Важное значение приобретает промышленность в форме мануфактуры». Именно такими словами начиналась изданная в 1984 г. работа П. С. Грацианского «Политическая и правовая мысль России второй половины XVIII в.» [Грацианский, с. 3]. Таким образом, еще совсем недавно исследование политической и правовой мысли, в том числе и сословной проблематики, было немыслимо без изучения системы социально-экономических отношений.

За последние десятилетия ситуация в изучении истории сословий в России кардинально поменялась: экономический базис уже не является ключевым параметром в исследованиях по сословной истории.

Как показывает рецензируемая работа Е. С. Соколовой, институт сословных прав в России Нового времени можно изучать без какого-либо обращения к экономическим процессам. Данная монография охватывает обширный временной промежуток – от Соборного уложения 1649 г. до кодификации законодательства 30-х гг. XIX в. Это концептуальная работа, предлагающая целостный взгляд на развитие института сословных прав в Российском государстве на примере привилегированных и полупривилегированных сословий. Автор исхо-

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 14.А18.21.0691 «Права, обязанности и статус дворянства в государственной политике, социальных представлениях и концепциях историко-политической мысли России XVIII в.».

дит из принципа самоценности законодательной системы как объекта исследования, и в работе не рассматриваются проблемы правоприменения.

В то же время это и не история идеологий, правовой мысли или представлений о праве. Автор фокусирует внимание на системе сословных прав, выраженной в законодательстве. Е. С. Соколова использует «нормативно-юридический подход», методологическое значение которого определяется тем, что «с его помощью можно выявить степень логической упорядоченности и формальной опосредованности важнейших законодательных инициатив власти в сфере конструирования идеальной модели социума» (с. 13). Вместе с тем автор декларирует понимание особенностей использования нормативного подхода. «Общеизвестно, что “дух и буква” закона, — пишет Е. С. Соколова, — не всегда полностью соответствуют реальному социокультурному контексту, в рамках которого создается нормативный акт: законодатель нередко моделирует не столько сущее, сколько должно» (с. 13). Хотя идея сама по себе не нова, сам факт ее возрождения и реализации в научных исследованиях важен и может служить прологом к плодотворной научной дискуссии.

Соответственно и структура работы задается нормативно-юридическим подходом. В гл. 1 ставятся ключевые проблемы, детализируется методология исследования, а также даются характеристика источников и краткий историографический обзор; гл. 2 посвящена реконструкции теоретической модели — «сословной парадигмы» российского абсолютизма и концепции «законной монархии»; гл. 3 посвящена непосредственно правовому статусу российского дворянства, а последняя глава — положению «полупrivилегированных» сословий, купечества и духовенства.

Логика работы следует от изучения теоретической модели — «законной монархии» и ее составной части, «сословной парадигмы», — к анализу ее практической реализации, законодательному закреплению прав сословий.

Вектор развития политico-правовой формы Российского государства, по Соколовой, вполне укладывается в представления советской исторической науки о движении от сословно-представительной монархии к абсолютизму. При этом законченной политico-правовой формой абсолютной монархии для Соколовой является «законная монархия», где закон играет роль инструмента управления в руках монарха-демиурга, который ничем не ограничен в его использовании. Абсолютизм начал складываться при Петре I; в Екатерининскую же эпоху «принцип законности» приобрел «значение ведущего фактона укрепления социального авторитета монарха, полностью свободного от любых форм контроля со стороны сословий» (с. 102).

Интересен структурирующий подход автора к теоретico-правовому оформлению абсолютизма: абсолютная монархия имела собственную теоретическую доктрину — доктрину «законной монархии», в рамках которой было отведено место и для сословной «парадигмы». По мнению Е. С. Соколовой, «впервые идея законности в западноевропейском варианте получила теоретическое обоснование при Петре I под влиянием правоведческого тезиса эпохи Просвещения о том, что суверенитет власти может быть обеспечен только в рамках подзаконного управления» (с. 95).

Разработчиком этого «теоретического обоснования» выступил при Петре I Феофан Прокопович в трактате «Правда воли монаршей», где обосновались притязания «монарха на совмещение всех прав верховной власти в одном лице» (с. 96), а также «необходимость сохранения сословного строя» (с. 126). По заданию Петра I именно Прокопович выступил творцом как доктрины «законной монархии» вообще, так и ее конкретного аспекта — с о с л о в н о й п а р а - д и г м ы. Деятельность Прокоповича была продолжена (и, в определенной степени, завершена) Екатериной II и М. М. Сперанским: «Теоретическая модель сословной парадигмы, разработанная Феофаном Прокоповичем и нашедшая завершение в политико-правовых сочинениях Екатерины II и в трудах Сперанского, была реализована в ходе кодификации законодательства первой трети XIX в.» (с. 334).

Реализуя «сословную парадигму» доктрины «законной монархии» и упорядочивая социальные границы, абсолютная монархия стремилась к созданию относительно подвижной сословной структуры, гарантирующей расширение социальной базы самодержавия. По мнению автора, «юридическое неравенство подданных российского императора тщательно охранялось законодателем с целью сохранения социальной опоры неограниченной монархии».

Подытоживая, автор выделяет три этапа становления сословной концепции «законной монархии»: начало юридического формирования сословий (40-е гг. XVII — первая четверть XVIII в.), оформление института условных привилегий имущественного и личного характера (2-я пол. 20-х гг. XVIII — начало 90-х гг. XIX в.), наконец, завершение разработки единого механизма правового регулирования, направленного на создание устойчивого взаимодействия между верховной властью и подданными (конец 90-х гг. XVIII — середина XIX в.). Важнейшим итогом этого процесса являлась бюрократизация дворянства (с. 333).

Таким образом, перед читателем предстает крайне упорядоченный процесс правового строительства, и именно эта чрезмерная упорядоченность, по нашему мнению, является наиболее спорной в работе Соколовой. Прежде всего это касается концепции существования единой (и при этом сложносоставной, включавшей несколько «парадигм») политической доктрины российской монархии на протяжении XVIII—XIX вв. Создателями доктрины выступают Феофан Прокопович, Екатерина II и М. М. Сперанский. Возникает вопрос: можно ли проследить связь между столь разными мыслителями, даже если допустить, что все они действительно обращались к одной и той же проблематике? Да и можно ли говорить о наличии целостной, последовательной и непротиворечивой политической доктрины у государства данного исторического времени? Ведь трактат Прокоповича был посвящен главным образом проблеме престолонаследия и не преследовал цели создания цельной «доктрины» петровского самодержавия, не говоря уже об обосновании сословной стратификации.

Такая упорядоченность, непротиворечивость, предсказуемость и заданность процесса проявляются в исследовании на уровне научно-понятийного аппарата. Так, Соколова часто пользуется понятием «законодатель», которое является важной частью юридического научного инструментария. Законодателю присущ исключительный рационализм, он обладает планом и стремится к определенной

цели — закреплению правового статуса отдельных слоев населения Российской империи. В преследовании этой цели законодатель независим и игнорирует какие бы то ни было устремления элит. Безусловно, существование у отдельных государственных деятелей XVIII в. планов политических и социальных преобразований не вызывает сомнений, более того, можно допустить и существование общих представлений, которые могли оказывать влияние на такие планы (например, представления о «законе» и «совете» [см.: Бугров, Киселев]).

В то же время возможность их сведения в целостную, непротиворечивую доктрину также является крайне дискуссионной и требует весьма детального обоснования. К сожалению, в работе такое обоснование отсутствует. Например, параграф «Сословная парадигма российского абсолютизма XVIII — первой трети XIX в.» на деле оказывается посвящен тщательному разбору политico-правовой концепции М. М. Сперанского, тогда как авторам XVIII в. практически не уделяется места. При этом выбор Сперанского в качестве глашатая «сословной парадигмы» оказывается спорным, так как его главный проект «Введение к уложению государственных законов» так никогда и не был реализован, а сам Сперанский вскоре после его написания был отправлен в ссылку. В то же время «Записка о древней и новой России» Н. М. Карамзина (который обладал при дворе Александра I значительным влиянием) вовсе проигнорирована, несмотря на то, что «Записка» напрямую затрагивает проблематику сословных прав дворянства.

В итоге в работе Е. С. Соколовой Россия Нового времени предстает как формально упорядоченный универсум, ведомый волей «законодателя» к «общему благу», где представителям дворянского сословия, в том числе и занимавшим ключевые государственные посты и причастным к определению государственной политики, оставалось лишь выражать свои «чаяния».

Следует отметить, что такой генерализующий и «доктринирующий» подход присущ в современной историографии не только Е. С. Соколовой. Так, в 2011 г. Е. Н. Марасинова представила свою реконструкцию «имперской доктрины российского самодержавия в XVIII в.» [см.: Марасинова]. Собственно, авторы рецензии не намерены ставить под вопрос возможность таких генерализаций. Скорее, проблема заключается в том, как реконструировать целостности, доказывать их (не)прерывность, а также соотносить с действиями акторов. Традиционно это делается с помощью неких «мифических персонификаций», когда «слова, обозначающие институты и коллективы, — Государство, Буржуазия, Патронат, Церковь» и т. д. конституируются «в исторические субъекты, способные формулировать и реализовывать собственные цели» [Бурдье, с. 122]. В случае таких «персонификаций» всегда существует опасность навязать действующим субъектам внешне заданную логику обобщения. При таком подходе зависимость от Государства ничем не лучше зависимости от Мануфактуры.

Более сложный путь предполагает понимание политических, правовых и иных текстов не как манифестиации некоей коллективной сущности (государства, дворянства и т. д.), а как действия определенных акторов. Исходя из этого строятся стратегии исследования, включающие контекстуализацию действий, в том числе и речевых актов (актов мысли), выявления их прагматической

цели, реконструкцию интеллектуального инструментария (идей, представлений, понятий) таких действий. Конечно, в этом случае едва ли удастся полностью избежать упрощений при обобщении, подчас это неизбежно. Тем не менее это позволяет уйти от чрезмерной заданности исторического процесса и лучше понять, как люди сами творят свою историю.

Бугров К. Д., Киселев М. А. «Закон» и «Совет»: концептуальное поле проектов политических реформ российской бюрократической элиты (рубеж 50–60-х гг. XVIII в.) // Диалог со временем : альманах интеллектуальной истории. 33. М., 2010. С. 110–139. [Bugrov K. D., Kiselev M. A. «Zakon» i «Sovet»: Kontseptual'noe pole proektov politicheskikh reform rossiijskoj byurokraticheskoy elity (rubezh 50–60-kh gg. XVIII v.) // Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noj istorii. 33. M., 2010. S. 110–139.]

Бурдье П. Социология социального пространства. СПб., 2005. 288 с. [Gratsianskij P. S. Politicheskaya i pravovaya mysl' Rossii vtoroj poloviny XVIII v. M., 1984. 253 s.]

Грацианский П. С. Политическая и правовая мысль России второй половины XVIII в. М., 1984. 253 с. [Gratsianskij P. S. Politicheskaya i pravovaya mysl' Rossii vtoroj poloviny XVIII v. M., 1984. 253 s.]

Марасинова Е. Н. Имперская доктрина российского самодержавия в XVIII веке // Российская империя: от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011. С. 657–744. [Marasinova E. N. Imperskaya doktrina rossijskogo samoderzhaviya v XVIII veke // Rossijskaya imperiya: ot istokov do nachala XIX veka. Ocherki sotsial'no-politicheskoy i ekonomicheskoy istorii. M., 2011. S. 657–744.]

Рецензия поступила в редакцию 20.05.2013 г.